

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH203697-708>

Исследовательская статья

Мусаева Майсарат Камиловна
К.и.н., ведущий научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
majsarat@yandex.ru

ОГОНЬ В ТРАДИЦИОННОЙ ОБРЯДОВОЙ КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

Аннотация. Обращение в данной статье к «огню», древнейшей «амбивалентной сущности» с утилитарными свойствами, прирученной человеком, как к атрибуту обрядовой культуры народов Дагестана, обусловлено тем, что многогранность такого символа, породившего многочисленные представления, поверья, атрибуты праздников, обрядов и ритуалов не в полной мере разработана и представлена в трудах дагестанских и других российских исследователей. Мы не рассматриваем утилитарную сторону огня, здесь огонь – символ многих граней традиционных представлений народов, как микрокосм, влияющий на людей и окружающую среду, орудие познания, с важнейшим гносеологическим потенциалом. Огонь, воспринимаемый как символ сакрального, практически у всех народов мира связан прочными корнями с историей, культурой, этнографической традицией и в этой связи представляет интерес для изучения истории религиозных представлений, праздничной культуры, ментальных предпочтений народов Дагестана. Системное исследование генезиса символики «огня» и его производных (пепла, угля, головни), как части общей системы, позволяет на фоне их материальных корней и исторической подосновы, их постоянной связи с реальной действительностью, показать эксплицитное двойственное восприятие огня, анализ иммерсии его супер-символов, солярных знаков, культа солнца и огня в представлениях народов Дагестана. Методологической основой исследования послужили работы российских и зарубежных ученых: историков, этнографов, фольклористов; собственные полевые исследования и наблюдения автора, с использованием сравнительно-исторических и ретроспективных методов с культурологическим подходом к этнокультурным взаимодействиям. Исследование позволяет сделать вывод, что прирученный огонь в очаге, его освоенная энергия, не могли не наложить свой отпечаток и на духовную культуру человека, его представления, заняв достойное место в обрядовой, как в семейной, так и общественной жизни народов Дагестана.

Ключевые слова: огонь и его освоение; угольки; факелы; символы, амбивалентность огня; представления и поверья, фольклор об огне, календарные праздники; очаг; семья; обряды

Для цитирования: Мусаева М.К. Огонь в традиционной обрядовой культуре народов Дагестана // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. № 3. С. 697-708. doi.org/10.32653/CH203697-708

© Мусаева М.К., 2024

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2024

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH203697-708>

Research paper

Maisarat K. Musaeva,
Cand. Sci., Leading Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
majsarat@yandex.ru

THE ROLE OF FIRE IN THE TRADITIONAL RITUAL CULTURE OF DAGESTAN PEOPLES

Abstract. Fire is regarded as one of the earliest “ambivalent essences”, tamed by humans, and an integral part of the ritual culture of the peoples of Dagestan. The versatility of such a symbol – which has given rise to numerous ideas, beliefs, and attributes of holidays, rites, and rituals – is not fully explored or presented in the works of Dagestani and other Russian researchers. Rather than considering the utilitarian aspect of fire, this paper examines fire as a symbol encompassing many facets of the traditional ideas of people. It portrays fire as a microcosm that influences individuals and the environment, serving as a tool of knowledge with significant epistemological potential. Fire, as a sacred symbol, is deeply rooted in history, culture, and ethnographic traditions among nearly all peoples of the world. In this regard, it is of particular interest for studying the history of religious ideas, festive cultures, and the mental preferences of the peoples of Dagestan. A systematic study of the genesis of the symbolism of “fire” and its derivatives (such as ash, coal, and firebrands), examined as part of a comprehensive system, allows us to illustrate their material roots, historical bases, and their constant connection with reality. This approach reveals the dual perception of fire and provides an analysis of its super-symbols, solar signs, and the cult of the sun and fire within the belief systems of the peoples of Dagestan. The methodological foundation of this study encompasses the works of Russian and foreign scholars: historians, ethnographers, and folklorists, as well as the author’s own field research and observations. It employs comparative-historical and retrospective methods with a cultural approach to ethnocultural mutual influences. The findings suggest that tamed fire in the hearth, with its harnessed energy, indelibly marked the spiritual culture and ideas of humanity, securing a significant role in the rituals of both familial and public life among the peoples of Dagestan.

Keywords: fire; ember; torch; symbols; ambivalence of fire; beliefs; fire folklore; calendar festivals; hearth; family; rituals

For citation: M.K. Musaeva. The role of fire in the traditional ritual culture of Dagestan peoples. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2024. Vol. 20. No 3. P. 697-708. doi. org/10.32653/CH203697-708

© M.K. Musaeva, 2024

© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2024

Освоение или «приручение» огня древними людьми стало переломным моментом в социальной эволюции человека, позволившим людям разнообразить пищу, приготовив её, развить свою активность в ночное время, обогреть своё жильё и защититься от хищников [1]. По поводу времени приручения огня до сих пор идут споры. Древнейшие следы применения огня человеком обнаружены на стоянках синантропов (нижний палеолит) [2, с. 203]. Как предполагается, древнейшим способом добывания огня – вначале случайного, а затем целенаправленного – было трение дерева о дерево и высекание искры ударом двух камней [3]. Археологи из Лейденского университета и Технологического университета Эйндховена в Нидерландах, проанализировав результаты многочисленных научных исследований, в которых упоминаются находки костров в Европе, Израиле, Азии и Северной Африке, пришли к выводу, о том, что повсеместно находятся свидетельства распространения целенаправленного разведения огня более 400 тысяч лет назад, то есть задолго до того, как предки современного человека покинули Африку и начали расселение по другим континентам [4]. Результаты новейших раскопок на территориях древнейших стоянок *Homo* (в том числе и на стоянке Айникаб 1 в Акушинском районе Республики Дагестан) предоставляют бесспорные свидетельства использования человека огнем в еще более древний период [5; 6, с. 31].

Огонь можно рассматривать во всевозможных контекстах. У всех народов Дагестана (равнинных, горных и высокогорных) огонь в разной степени является атрибутом праздников, обрядов и ритуалов. С ним связаны различные народные представления, поверия. Было и остается актуальным отношение к огню, как к сверхъестественному явлению, особым образом влияющему на жизнь человека, не только в жизни земной, но и загробной.

Огонь – амбивалентная сущность. Эта двойственность и породила к нему особое отношение. Огонь небесный – это Солнце, культ которого был известен на Кавказе еще с энеолитической эпохи, в связи с чем исследователи считают его «универсальной основой всех первобытных культов» [7, с. 163; 8, с. 39]. Огонь земной – это костер. Между ними еще «промежуточный», связующий их костер – небесный огонь, спускающийся на землю – молния. И солнце, и молния, в отличие от огня, которому воздавали только земные почести (посвящение им календарных и семейно-бытовых праздников, различные поверия и представления, сакрализация и культовые явления), были персонифицированы [9, с. 41–102]. В мифах многих народов рассказывается, что огонь упал или был доставлен с небес. И это неудивительно, природный огонь, которым научились пользоваться люди, часто возникал вследствие удара молнии [10, с. 116].

Огонь был как полезен людям, так и опасен, падая с неба в виде молнии, он мог нанести непоправимый вред. Происходила метаморфоза – перевоплощение чудесного атрибута семейной жизни – очага с огнем, – в пожар, способный уничтожить жилище человека. От огня мог погибнуть собранный урожай; в огне могли погибнуть скот и люди. От огня целое поселение могло превратиться в пепелище, заставив людей переселиться на новое место. Огонь превращался в нечто противоположное своей сути и назначению. Именно здесь ярко проявлялась его амбивалентность.

Все это сделало огонь объектом сакрального отношения и поклонения. Понятие об огне, как сверхъестественной стихии, неизбежно проникало в ритуал, диктуя религиозное отношение к огню, создавая его культ. Есть предположение, что крест (фигура, очень распространенная в орнаментике и символике солярных знаков) – это изображение орудия для добывания огня трением: искра появлялась на перекрестии двух кусков дерева. Такое орудие для добывания огня имело и форму крючкообразного креста, свастики. Эта форма также в символике практически всех древних народов стала знаком жизни, Древа жизни [11, с. 31].

У многих народов принято было характеризовать человека, сравнивая с огнем. О девушке на Кавказе, в том числе и в Дагестане, говорили, «быстрая, как огонь»; о мужчине – «горяч и храбр, как огонь». В некоторых пословицах и поговорках об огне противовесом его позитивной энергии становится негативная сторона: «Искра становится иногда бедой»; «Искра мала, да огонь от нее очень жесток»; «Огонь с водой закаляют только сталь»; «Сталь закаляется огнем и водой, слабый человек укрепляется благими делами»; «Огонь силен, но тушит его вода»; «Огонь создает дым, иногда очень опасный», «Невозможно примирить только огонь и воду»; «У храбреца огонь должен быть только внутри» и др. В старину, у аварцев говорили: «Огонь в очаге и память должны быть вечными»; «Только смотря на огонь в очаге можно восстановить память». Кумыки утверждали: «Только у той жены, что ладит с огнем, в семье будет все гладко». В народных представлениях всегда очевидна как жизнеутверждающая сила огня, так и его негативная, разрушительная сторона.

Наиболее распространенный и, по всей вероятности, наиболее древний вид ритуального огня – костер (огонь земной) [12, с. 100–102].

Датами, в которые разжигание костров считалось обязательным, в народном представлении являются день (или канун) зимнего и летнего солнцеворота, весеннего и осеннего равноденствия. Разведение костров в поворотные дни солнечного календаря дает возможность предположить связь этого обряда с солярным культом. Второй момент, подкрепляющий это предположение, – разведение костров на возвышенных местах. Обычай раскладывать костры именно на возвышенностях существовал буквально у всех народов. Каково бы не было происхождение «огненных» обрядов, их смысл – всеобщее, коллективное, шумное веселье. Основная, свойственная ритуальным кострам, черта – их общественный характер. Костер сооружается, и вокруг костра собирается определенный коллектив. В сельской местности – это, как правило, квартальные костры; хотя, если село небольшое – это может быть и общесельский костер. Каков бы ни был генезис «огненных» обрядов, их выражение – всеобщее коллективное веселье, здесь нет хозяев и гостей, здесь все равны, все веселятся.

Вторая особенность, характерная «огненным» обрядам, – вера в сверхъестественную, «баракатную» (благо дающую, продуцирующую) силу пламени. Такие костры, по народным представлениям, должны были обеспечить, прежде всего, хороший урожай хлеба, приплод скота, шерстистость и тучность стад баранов и коз. Наблюдая, ярк ли костер и в какую сторону стелется дым, старались определить виды на урожай зерновых; а дети по количеству искр, всполохов, треска считали, увеличится ли стадо коз (эти всполохи так и называли «козьи вспышки»). Иногда на угольях обрядовых костров выпекали хлеб, считая его особенно целебным. Дети обжаривали здесь кукурузу и картофель.

Важно было прикоснуться к пламени костра. Огню (дыму) ритуального костра приписывали целительные свойства, больных и детей подносили к огню, к дыму костра. Через дым костра прогоняли скот, чтобы он был здоров (или же скотину обводили вокруг костра). Отсюда, очевидно, и произошел обычай перепрыгивать через костер. Для этого специально от головешки главного костра жгли вокруг меньшие: для женщин, детей, стариков. Перепрыгивая через такие костры, люди просили силы огня и здоровья телу.

Естественно, что коллективные костры разжигались по особым событиям. Прежде всего, у народов Дагестана это были различные календарные праздники, где демонстрировался культ огня, в образе разожжённого костра [13, с. 17–60].

Ярче всего культ огня проявлялся у народов Дагестана, как, впрочем, и у других народов мира, в праздниках начала весны. Одним из таких праздников является известный у народов Востока – *Навруз* (*Новруз*) – «Новый год». Возникновение обычая праздновать *Навруз*, как начало календарного года, в основном у народов Южного Дагестана и у лакцев (одного из народов Горного Дагестана) связывают с влиянием сасанидской Персии, приходящимся на первые века нашей эры, когда государственной религией иранцев был зороастризм [14]. По этой религии, огонь входит в священную троицу чистых стихий: земля, вода, огонь. Скорее всего, праздник *Навруз* (*Новруз*), был воспринят народами Дагестана довольно легко, так как он наслонился на более древние местные языческие представления, связанные с пробуждением природы весной, с культом солнца как светила, дарящего жизнь, и через него – с культом огня, оздоравливающего через очищение. Огонь и вода, чья противоположность вошла в поговорку, оказываются однозначны, играют в обрядах одну и ту же роль – очищающей стихии. Праздновали *Навруз* (*Новруз*) в Дагестане в основном три дня. Более пышно и дольше *Новруз*, как праздник Нового года и весны, генетически связанный с культом плодородия, умирающей и воскресающей растительности, отмечался у азербайджанцев-шиитов г. Дербента [15, с. 202]. В системе традиционных верований азербайджанцев поклонение огню занимало особое место, даже был специальный праздник *Сада*, который отмечался за пятьдесят дней до *Навруза* и характеризовался тем, что устраивались фейерверки и разжигались под открытым небом сотни костров [16, с. 530].

У всех народов, отмечавших праздник *Навруз*, как Новый год, в ночь с 21 на 22 марта было принято зажигать костры и огни. Терекеменцы зажигали в домах лампы или светильники, на крышах – факелы на длинных шестах. Зажигая огни и воспринимая их как очистительную силу, они приговаривали: «Пусть из года в год горит у нас огонь!» Рано утром зажигая костры у ворот домов, на площадях, они говорили, что это «для ног скота» (*мал аягына*), который должны были вывести на пастьбу. Наиболее пышно этот праздник отмечали народы лезгинской группы, называя его «*Яран сувар*». В лезгинских селениях каждый квартал обязательно, а по возможности и каждый дом, разжигал свой костер, так

что при взгляде со стороны, каждый аул с наступлением темноты в этот вечер напоминал пылающий факел. Это впечатление усиливалось еще и тем, что обитатели каждого дома в селении выходили на плоскую крышу с горящим факелом. Молодежь ходила по чужим кварталам и пыталась похитить горящее полено из чужого костра. Считалось похвальным совершить эту акцию и постыдным потерять часть «своего огня».

Важным ритуалом наступившего *Яран сувар* было обновление огня в очаге. Интересно, что в соседней Чечне тоже было важно в Новый год – в «период рождения нового солнца» – обновить огонь в очаге [17, с. 398]. Именно на новом огне должно было быть сварено и испечено все необходимое для трехдневного новогоднего праздника. Укладывание длинного, не разрубленного бревна в очаг было частью новогоднего ритуала. По мере сокращения бревна от горения начиналось домашнее веселье с обильной едой, питьем, танцами, представлениями. А до этого домочадцы и особенно маленькие дети перепрыгивали через конец бревна, как считали, для предохранения от какой-либо беды и порчи в наступающем году.

Лакцы засыпали в эту ночь кизячным пеплом верхнюю часть каменных оград своих дворов, более или менее ровные места на возвышенностях, видных как в селении, так и далеко за его пределами, поливали его керосином и поджигали. Характерно, что само лакское слово «праздновать» (*бьялакъан*) переводится как «зажечь кизяк». У лакцев существовала легенда, что якобы праздновать этот день лакцы начали с незапамятных времен: «со времен смерти жестокого царя Эш, смерть которого была возведена народу кострами, так как проявить эту радость, произнося вслух имя умершего, было невозможно». Уголькам костров этой ночи у лакцев придавался магический смысл оберегов, а также средства, обеспечивающего плодородие; их разбирали жители села и бросали под хлебный ларь, где они лежали до начала следующего праздника *Навруз* [18, с. 184–202].

У табасаранцев праздник, отмечаемый с 21 на 22 марта, назывался *Эбельцен*. Праздник состоял из сложного комплекса обрядов и обычаев, которые, по народным представлениям, должны были служить повышению плодородия полей, увеличению скота и изобилию всего, что было необходимо для жизни людей. Важным действием было разжигание вечерних костров, как на возвышенностях, так и в каждом сельском квартале, или на годекане. В некоторых табасаранских селах девушки и женщины разжигали костры в собственных дворах или домашних очагах и охраняли его до рассвета, поскольку считалось, что в эту ночь нельзя выносить огонь из дома. Молодежь и дети пытались раздобыть чужой огонь, чтобы отнести его к себе домой. В некоторых селениях Нижнего Табасарана в отдельных домах неженатая молодежь устраивала посиделки, проводя ночь в веселье и играх. Самой популярной была игра «дуть в огонь». Игра заключалась в следующем: в потолочную балку втыкали большую иглу с вдетой в нее длинной ниткой. Второй конец нитки вдевали в другую иглолку, на кончик второй иглы втыкали горящий уголек. Участники игры садились на пол, образовав круг. Игла должна была находиться на уровне лица сидящих. Они должны были все время дуть на нее и приводить в движение, раскачивать ее. Во время игры нельзя было наклоняться вперед или назад, в сторону. Человек, нарушивший эти правила, выходил из игры. Каждый из участников старался, чтобы уголек не попал на его губы [19, с. 197].

У рутульцев праздник «День весны» начинался ночью 18 марта. Юноши и девушки разжигали небольшие костры вокруг села, а на рассвете – большой костер в его центре, и все присутствующие прыгали через него со словами: «Мои болезни, моя лень – тебе! Твоя энергия и легкость – мне!» [20, с. 234]. В отдельных селениях в этот день к квартальному костру приносили хлеб, халву, мясо и раздавали присутствующим в качестве жертвоприношения за здоровье членов семьи в грядущем году. У рутульцев и их ближайших соседей агулов один из мужчин приносил к месту сбора еще с осени засушенную к этому дню тушу барана. Тот, кто втыкал в нее свой нож, брал на себя символическое обязательство принести в следующем году такую же жертву.

Практически у всех народов молодежь, отмечающая наступление весны у костров, веселилась, пела, танцевала. После того, как костры теряли силу, начинали тлеть, девушки и юноши собирались отдельно по кварталам, каждая группа в определенном доме. Дети же, главным образом мальчики, продолжали свои шумные забавы. У рутульских мальчиков было принято заранее заготавливать глиняные шарики с дырочками, куда как фитиль вставлялись сухие веточки и поджигались, а затем при помощи пращи, специально связанной из шерстяных ниток к этому дню, метали зажженный шарик вращательным движением. Все наблюдали, как шарики с огненными хвостами, описывая круги, летели, а потом

падали и с треском лопались. Стреляя такими же глиняными шариками, лакские мальчики поджигали остатки прошлогодней растительности на всех склонах. Считалось, что это хорошо очищает почву от прелых остатков прошлогодней зелени и приносит пользу [21, с. 94].

Подобные детские и молодежные весенние игры с горящими шариками, которые они бросали друг в друга с возвышенностей, бытовали и у даргинцев сел. Кунки [22, с. 305].

В течении трех дней, пока длились весенние новогодние дни, у девушек было принято гадать на пепле из коллективного квартального костра. Например, в лакском сел. Хурукра перед сном из квартальной хлебной печи *кара* выгребали свежую золу в специальное углубление перед ней – *вилах* и, тщательно разровняв ее, оставляли на ночь. Считалось, что, если утром на золе обнаружится след сапога, быть девушке замужем за состоятельным человеком, а если след чарыка – за пастухом. Развлечения молодежи в праздник *Навруз* длились три первых весенних дня.

Интересно, что другие дагестанцы не праздновали этот праздник как *Новый год*. Они называли его «день прихода весны» – каждый на своем языке. И в ночь наступления весны жгли костры. В горах Дагестана основным праздником весны считался «Праздник первой борозды», который не был приурочен к конкретному весеннему дню. В этом празднике, главной стихией была вода, а не огонь. День его проведения зависел от того, готово ли поле к пахоте, так как в суровых климатических условиях, настоящая весна приходила позже дня весеннего равноденствия. Но жечь костры и как-то обозначать календарное событие – ночь и день, когда пришла весна – 21-22 марта, было принято и у других народов Дагестана.

В даргинском сел. Нахки (Акушинский р-он) это был праздник мужской молодежи. Вечером 22 марта на сельской площади разводили большой костер, собрав сюда предварительно ненужное тряпье и старую изношенную обувь со всего села. Разжигать этот костер было принято *тармиками* – палочками, с помощью которых ярмо держится на шее быка во время пахоты [13, с. 34]. Очевидно, сжигание их имело какой-то символический смысл, связанный с обновлением сельскохозяйственного инвентаря. Молодые люди прыгали через костер, кидали туда шапки, снятые с головы друг у друга; хозяева спешили достать их из огня.

В некоторых аварских селениях (например, сел. Гергебиль) 22 марта принято было жечь можжевельные веточки, которые горят с шумом и треском, в хлеву, якобы для изгнания оттуда нечистой силы, которая там в тепле могла поселиться зимой. Возможно, особые свойства приписывались горцами и пеплу этих весенних костров, поскольку аварцы сел. Чилдаб (Чародинский р-н), у которых обряды этой ночи происходили в сокращенной форме, сыпали пепел в сторону сел. Могроб, а могробцы пепел своего костра высыпали в сторону сел. Чантаб. Жители этих сел считали этот обряд демонстрацией пренебрежения по отношению друг к другу. В каких целях, никто не помнит. Но традицию соблюдают. В настоящее время эти действия имеют характер развлечения, но не исключено, что в более ранний период они были элементами какого-то важного магического ритуала.

Как мы отметили выше, только у некоторых народов Дагестана (лезгин, народностей лезгинской группы, лакцев, у небольшой части аварцев, южных даргинцев) наступление нового года отмечалось в день весеннего равноденствия, но в целом ряде лакских и аварских селений, малочисленных народов Западного и Юго-Западного Дагестана (ахвахцев, каратинцев, андийцев, багулал, чамалал, хваршин и т.д.), первым днем года считался первый день зимы – день зимнего солнцеворота – 22 декабря. В частности, в эту ночь принято было жечь костры у аварцев селений Хунзахского плато. Для этого мужчины поднимались на определенную вершину у села, откуда обязательно должно было быть видно соседнее селение, и здесь разжигали огромный костер из хвороста и кизяка. То же самое делали и в соседних селениях. Соседи должны были видеть костры друг у друга, что являлось непременным условием ритуала. Вокруг этих костров ходили дети с песнями о наступлении зимы. Они пели о том, что это самая длинная ночь, в которую надо есть по три раза, отчего у стариков увеличиваются в размерах желудки, а у детей быстрее изнашивается обувь, так как им много приходится бегать в поисках хвороста для костра.

Зима была относительно спокойным и более или менее свободным для горца временем года, поскольку годовой цикл хозяйственных работ к ее началу обычно завершался. Это было время заслуженного отдыха, спокойного размеренного быта для мужчин, а для женщин наступала пора переработки шерсти и занятий домашними промыслами.

В начале февраля отмечался весьма торжественно с кострами и другими огненными забавами праздник, известный у дидойцев как «*игби*» [23, с. 134], а у хваршин – «*къедоба*» [24, с. 187]. Центральное место в этих праздниках сельских жителей, которые группировались по гендерному и возрастному принципу, занимали костры и хороводы вокруг них, совместные трапезы. Кульминацией праздника становилось скатывание горящих деревянных колес, старых пеньков «*гъарада*», обмотанных соломой и облитых дегтем, с каких-либо возвышенных мест.

Возможно, горящее колесо символизировало некогда солнечный диск и имело тем самым прямое отношение к солярному культу, широко распространенному по всему миру [25, с. 60]. Персонификация солнца, как и других небесных светил, атмосферных явлений – характерный феномен в идеологических воззрениях и духовной культуре древних дагестанцев [9, с. 41–102]. Не случайно, у аварцев из сел. Мачада есть предание о всаднике в образе солнца, который добыл и подарил людям огонь [26, с. 31–32]. Как считали отмечавшие праздник «середины зимы» народы Дагестана, этими огненными действиями они прогоняли зиму, ускоряя приход солнца.

В начале февраля отмечали праздник *цуккула ца* («огонь углей») и даргинцы-кайтаги [13, с. 106]. Это был праздник мужской молодежи, и никто другой к участию в нем не допускался. Участники праздника срубали к этому дню дерево в лесу, к ветвям его подвязывались ячменные снопы, из которых предварительно были выбиты зерна. Дерево устанавливали на самом высоком месте (холме, горке) напротив села. Сюда же со всех домов селения дети несли топливо: хворост, ветки, бурьян и т.п. Если кто-нибудь из хозяев отказывался его дать, не возбранялась кража у него лучшей части из заготовленных на зиму дров. Пострадавший не имел права в этом случае ни возмущаться, ни требовать наказания; если же он это делал, его поднимали на смех, наделяли обидными прозвищами.

Вечером подготовленное дерево поджигалось, в костер по мере надобности подбрасывалось топливо. Высокое пламя костра видели жители всего селения. По цвету огня определяли какой будет урожай: если пламя красного цвета – хорошо уродится пшеница; если белого – богатым будет урожай ржи. Пока горело дерево, юноши, которые вскладчину устраивали еще и застолье, веселились: играли на музыкальных инструментах, танцевали и пели.

Зима и огонь неотделимы. Ежевечерне, по очереди, по соседскому или родственному принципу, собирались на посиделки по отдельности пожилые мужчины и женщины. Мужчины обменивались новостями, вспоминали прошлое, рассказывали друг другу сказки или были. Женщины садились с работой у огня. Ночные встречи так и назывались «посиделки у огня». В длинные зимние вечера практиковались также собрания у очажного огня мужчин и женщин вместе с детьми, для совместных бесед и развлечений в доме родственников, соседей. В этих случаях для коллективной трапезы варили злаковую (лакцы, аварцы) или мучную (даргинцы) кашу.

Зимой в отдельных аварских селениях (Карата, Гергебиль, Ругуджа, Гуни и др.) принято было устраивать праздники песни. На них, по договоренности, съезжались знаменитые, известные во всей Аварии певцы: Эльдарилав из Ругуджа, Курбан и Тажудин из Инхело, Аццал Гаджи из Чиркея, певцы из Ассаба, Батлуха и др. В празднике принимали участие мужчины всех возрастов; женщины же, довольствовались только ролью зрителей. Все участники и зрители собирались на самой большой сельской площади у огромного костра, так как ни один дом в селении не мог вместить всех участников и желающих быть зрителями. Дрова для костра поставлял каждый квартал селения по очереди. На этих праздниках разворачивались настоящие состязания между певцами, которыми традиционно были мужчины, женщины стали принимать в них участие только в 30-е гг. XX в. В таких состязаниях выявлялись молодые таланты.

Даргинцы Ашты-Кункинского участка всю зиму ежевечерне устраивали танцы на центральных площадях селений у огромного костра из дров и кизяка. На эти танцы должны были обязательно выходить все девушки, молодые вдовы и юноши селения. За невыход сюда кого-либо из девушек принято было сурово наказывать ее: молодые люди имели право реквизировать для общесельского костра большую часть топлива, заготовленное семьей девушки на зиму.

Огню приписывалась могучая целительная и очистительная сила, поэтому все, кто мог, вплоть до больных и стариков, стремились прыгнуть через разожженный костер, независимо от времени года, хотя весенний считался более сильным и благотворным. Аварцы, лакцы при прыжках приговаривали: «Отдаю болезнь и немощь огню, а здоровье забираю телу»; табасаранцы, лезгины, рутульцы, обращаясь к огню костра, произносили: «Грехи отдаю тебе, благодать забираю себе». Практически все народы,

обращаясь к огню, просили: «Мы прожили весь год до весны хорошо, дай, Всевышний, возможность прожить не хуже, в течение следующего года!» и т.п. Огонь этих костров, особенно весенних, поскольку это было время, когда просыпается природа, связывался с производящей деятельностью природы. Не случайно, лакцы, обращаясь к огню, произносили заклинания такого содержания:

*«Кто имеет овец – пусть увеличатся! Уррай!
У кого коровы есть – пусть увеличатся! Уррай!
Пусть уродит земля, да не будет засухи! Уррай!
Пусть уподобятся всходы по густоте овчинным папахам! Уррай!»*

Примечательно отношение к производным костра – пеплу, угольям, головням: их считали чудодейственными предметами, разносили по пашням, садам и огородам, на золе настаивали воду, которую употребляли в качестве лекарства, стирали вещи, чтобы долго служили. Особый смысл, видимо, придавался и звукам от горящего костра – треску, шуму, как и вообще шумовым действиям, производившимся в ночь, когда отмечали различные праздники, основным событием которого считалось разведение костра.

Очень большую роль играл огонь и в семейной обрядности. Цельную знаковую систему, конечной целью которой было обеспечение благополучия и потомства для брачующихся, представлял собой свадебный обряд. В нем есть определенные этапы. В частности, переход невесты в дом жениха. Это один из центральных этапов, которому предшествовал девичник, поскольку в нем важную роль играл не просто огонь, а огонь в домашнем очаге. Культовая связь невесты, женщины с домашним очагом, была предельно очевидной.

У большинства горных и высокогорных народов Дагестана невесту в дом жениха вели, как правило, после полуночи, когда активизируется вся потусторонняя, вредоносная нечисть. С этим связано, что невесту вели по узким улочкам пешком или на коне, в одежде, изобиловавшей серебряными украшениями, которые своим позвякиванием отпугивали вредоносную силу, для этого же, освещая дорогу, несли зажженные факелы. У рутульцев, например, по ходу следования невесты жгли и небольшие костры. У табасаранцев впереди свадебного поезда несли зажженную лампу, которая отражалась в зеркале в руках одной из женщин. Важно было сохранить огонь до дома жениха [19, с. 150]. У аварцев сел. Ругуджа жгли костры, только когда выходила замуж вдова, поскольку она нуждалась в большей очистительной силе огня, а факельного очищения ей не хватало. Вообще факел – широко известный и сохранившийся поныне вид ритуального огня. Первоначально, это была головня, вынутая из ритуального костра во время праздничного веселья. В день встречи весны молодежь с выхваченными из огня палками и поленьями описывала круги в воздухе, гонялась друг за другом, заставляла женщин и девушек подсакивать повыше («чтобы уродились посевы высокими») и т.п. С головнями, взятыми из ритуального костра, а позже и с факелами, совершались ритуалы, которые можно отнести к магии плодородия, к очистительным или охранительным действиям. Хотя объяснения были самые разные: например, у аварцев Карахского участка невеста при входе в дом жениха должна была перешагнуть через костер и наступить на ружье, по народным представлениям, «чтобы была крепкой, как его приклад», а огонь костра в представлениях, уже был как само собой разумеющийся. Невеста в сел. Ругуджа (совр. Гунибский р-он), входя в дом жениха, должна была перешагнуть через очажный треножник, который ставили у порога. По представлениям, этот обряд символизировал приход новой хозяйки очага. Есть сведения, что в глубокой древности невесту встречали костром у порога, можно предположить, что тренога стала условной заменой костра. У даргинцев Ашты-Кункинского участка при выходе невесты из родительского дома и при входе в дом жениха перед свадебной процессией разводили костер, мимо которого должна была пройти невеста; костры могли разжигаться многократно и на пути свадебного поезда. Бесспорно, в этих свадебных обрядах учитывалась основанная на древнейшем мировоззрении народов Дагестана очистительная и охранительная сила огня. Вступая под защиту новой семьи, у которой свои домашние духи, невеста должна была очиститься от влияния всех сил своего дома, поскольку они могли не подойти друг другу, быть враждебными культу новой семьи, в которую она должна была перейти.

Важнейшим объектом, вокруг которого строятся несколько значительных ритуалов свадебного обряда, является очаг. Домашний очаг, как и объекты и предметы, так или иначе связанные с ним,

являлись одними из самых существенных и значимых символов семьи, рода, тухума. Сакральное отношение к домашнему очагу было характерно для большинства народов Кавказа. В частности, абхазы считали очаг местом обитания божества плодородия *Ажьсахара* (досл. «наращивающий плоть») [27, с. 363]. Очагом и надочажной цепью, т.е. домашним, прирученным огнем, клялись женщины, ими же проклинали [28, с. 121]. Пеплом из очага посыпали голову при смерти хозяина дома.

Очаг – символ коллектива, вокруг него объединяющегося. В обозримую для этнографических исследований эпоху – символ семьи. *Считалось, что души предков собираются над очагом, вдыхают запах от еды и принесённых жертв по четвергам.* «Семейный очаг», «хранительница очага» – переносный смысл этих выражений повсеместен и ясен для всех [29, с. 379]. Разжигание ритуального огня, в частности в домашнем «очаге» народов Дагестана, имеет неперемное условие: огонь должен быть «новый», «свежезаженный» (можно предположить, по аналогии с ритуальным огнем других народов мира, которые должны были перед зажжением ритуального костра потушить все лучины, светильники, очаги, горевшие до этого в жилом помещении и зажечь огонь от вновь добытого [12, с. 42]). Этот обычай очень похож на манипуляции с водой во время похоронного обряда народов Дагестана: после выноса тела покойника для похорон, принято было всю воду в доме вылить и принести новую, «живую», желательную из проточного источника; сделать влажную уборку с мытьем стен, в комнате, где расстался с жизнью покойный.

В прошлом, прощаясь с родительским домом, невеста совершала три круга вокруг семейного очага. У народов Дагестана, особенно в высокогорье, где открытые очаги сохранялись довольно долго, или они функционировали параллельно с другими печными и отопительными сооружениями, ещё в начале XX в. для прощания невесту подводили к цепи, висящей над огнём. Надочажная цепь была окружена ореолом святости, в силу которой верили и считали, что она символ изобилия и бараката в доме, покоя, плодovitости семьи. Можно констатировать: ни одно семейное мероприятие, связанное с торжеством или печалью, не обходилось без упоминания очага или огня в нем. Среди основных достоинств мужчины и женщины почиталось умение обращаться с огнем: быстро разводить и поддерживать его, хранить и пользоваться им.

Очаг в некоторых обрядах свадебного цикла играл и разъединительную роль. Этот разъединительный аспект свадебной обрядности особенно характерен для ритуалов, происходивших в доме невесты накануне свадьбы, вплоть до увоза ее в дом жениха. Это известные девичники, которые принято было устраивать перед свадьбой повсеместно. Отсюда и своеобразный эмоциональный настрой, диссонирующий с существом свадьбы, грусть и печаль молодой. Невеста прощается с домашним очагом, с кругом близких людей, с девичеством. Этот разрыв, исключение ее из половозрастного класса молодых девушек освящается обрядовыми действиями, совершавшимся, как правило, в кругу девушек. В лезгинском сел. Хлут девичник назывался «*рушан цай*» («девичий огонь»). Во время его проведения принято было на очень короткое время тушить огонь в домашнем очаге, как символ отречения от него. У лезгин сел. Луткун тоже было принято на девичнике тушить огонь: назывался он «*чай туьхурун*» (погасить огонь). Похожий ритуал – «*чырагь сёндюрен*» (тушение светильника) практиковался у табасаранцев – они тушили светильник в комнате, где проходил девичник.

Не менее важным этапом свадебной церемонии является приобщение невесты к новому дому и роду. В прошлом ритуализированный переход невесты в новую социальную категорию сопровождался обхождением ею очага и прикосновением к надочажной цепи в новом для нее, доме жениха. Так происходило в прошлом вхождение невесты в новую семью, которая должна была стать для неё родной. Это символизировало приобщение невесты к духам, покровительствующим этому дому. Обхождение очага невестой составляет необходимую часть брачного ритуала. Участие в ритуале символизирует для невесты готовность присоединиться к культуре домашних божеств той семьи, членом которой сделал её брак. В лезгинском сел. Ахты молодых в общую комнату приглашали на третий день после свадьбы. Невеста приносила наполненный водой кумган для омовения и лампу – символы домашнего очага.

Неслучайно при переселении семьи в новый дом в него переносили головню, зажженную от старого очага. Обязательно надо было забрать и надочажную цепь, и треножник, который стоял над очагом. Причем, зажечь этой головней огонь в очаге нового дома должна была именно хозяйка дома. Это ритуал, в котором заложены элементы многих верований и представлений. Вообще, у большинства народов высокогорного Дагестана считалось, что у очага в новом доме (в настоящее время у другого главного в доме места приготовления пищи – кухне, т.е. центра женских работ) садились первыми

женщины дома и обращались к очагу: «Пусть в очаге горит наш чистый огонь. Дай нам дорогу во всех делах земных». Первую золу из нового очага хозяин дома должен был рассыпать с магической целью на собственной земле, чтобы его поле, сад получили силу от семейного очага.

Считалось, что дом, в котором не зажигался огонь, быстро разрушается, поскольку в нем нет живой жизни. Самым страшным проклятием считалось пожелание: «Да потухнет в твоём доме огонь очага!». При потухшем очаге, который считался местом обитания семейных добрых духов, поселялись, якобы вредоносные духи, которые, по народным представлениям, забирали силу дома, поскольку не было охраны – живого огня, и дом ветшал очень быстро.

Очаг и огонь выступают как ценности, на которых держится всё благополучие семьи. Неслучайно, все важные семейные мероприятия обсуждались и проводились вечерами у зажженного очага. Очаг и постоянно горящий в нём огонь считались самым священным местом в доме. Многообразие обычаев, обрядов, традиций, связанных с почитанием семейного очага, свидетельствуют о глубоком проникновении огня в бытовую культуру семьи, становление которой тесно связано с процессом его освоения. В частности, во время родов в древности всегда зажигали очаг, позже топили печь. В помещении, где рожала женщина, должен был присутствовать огонь. Не случайно, если ребенок не болел, рос здоровым, у чамалал говорили: «Он точно у очага родился», имея в виду, что огонь «наградил» его в момент рождения своей жизненной силой. Практически у всех народов Дагестана, ребенка до года не выводили гулять, не нарисовав на лбу крестик угольком. Как утверждали, от сглаза. Уголек от огня использовали при купании младенцев: одни народы его сразу клали в воду, другие щипцами гасили его в воде и закидывали обратно в огонь. В похоронной обрядности также отводилось определенное место свету от огня. У многих народов Дагестана, сорок дней держали зажженной лучину или лампу в той комнате, где скончался или лежал до выноса на кладбище покойник. Считали, что все ночи душа покойника приходит в эту комнату, но только при свете от огня.

Почитание огня, его сакрализация – явление универсальное. В религиозном пантеоне соседних чеченцев известна, например, «Мать огня» (*Шенана*) [17, с. 418]. В отношении к огню существовали также определенные табу. Например, у даргинцев сел. Кадар в огонь нельзя было бросать волосы и луковую шелуху, как полагали, это могло осквернить его [30, с. 322–323]. Практически все народы Дагестана запрещали при разжигании огня ссориться между собой. Если человеку предстояло провести ночь в горах, он обязан был поддерживать огонь, иначе, как говорили, к нему могли подойти представители нечистой силы: шайтаны, джины. Нельзя было отдавать огонь из дома в сумерки соседям. Говорили, что из дома может уйти благоденствие (баракат). Возможно, что именно с этим табу была связана одна из традиций, соблюдавшихся у аварцев сел. Ругуджа. Когда люди собирались на посиделки у огня в зимние вечера, каждый приходил, освещая дорогу, со своей лампой, керосиновым фонарем, возможно ранее с факелом или лучиной. Все источники света аккуратно хозяйки выстраивали у порога, снижали фитиль, но никто не тушил. Возвращались после посиделок все со своим огнем.

Таким образом, огонь, заменители огня (лучина, факел, лампа, фонарь), его производные (уголь, пепел) всегда играли огромную роль в повседневной жизни людей. Праздники, в которых участвует огонь и связанные с огнем ритуалы – прямые наследники древних представлений и традиций, потерявшие свой первоначальный сакральный, в основе языческий, смысл; и, к счастью, несмотря на общее «религиозное сопротивление» и воздействие на умы с точки зрения средневекового религиозного нигилизма, воспринимаемого, как «чистый ислам» (хотя религия не догма и должна идти в ногу со временем), многие праздники сохраняются и поддерживаются общественностью, как элемент национальной культуры.

Наблюдая за отношением народов Дагестана к огню, можно предположить, что произошла определенная инверсия всего, что связано с огнем в их духовную и бытовую культуру. Обезвреживающие свойства огня и дыма, подмеченные на практике, эксплицитно перенесены в сферу сверхъестественного, отсюда и представление, что огонь может уничтожить любое зло, предохранить от всякой нечистой силы, может наделить скот плодовитостью. Но имея в виду, амбивалентность огня (способность принести как пользу, так и вред), в отношении всего, что связано с ним, должны были соблюдаться определенные правила, чтобы не осквернить, не «разозлить» огонь.

Таким образом, изучение отношения к огню и его производным (пеплу, углям, головне, факелам), множественных граней огня, его амбивалентности, как реликта ранних форм религии, который органично был приспособлен к исламу, создав причудливое переплетение остатков домонотеистических верований и мусульманских установлений, применение огня и его производных в праздничной

культуре, свадебной, родильной, похоронно-поминальной обрядности, позволяет внести еще один штрих в воссоздание более полной картины символики огня, как составных элементов кавказского культурогенеза, в частности, семейно-бытовой, общественной и духовной культуры дагестанцев.

И несмотря на то, что в современном представлении огонь играет только утилитарную роль и сакральность его почти позабыта, существует мода на применение свечей, самых разных цветов и видов, для создания уюта и атмосферности в доме, при вечерних встречах в общественных заведениях. Огонь и его производные всегда с нами, в силу темпоральности сакрального отношения к огню в традициях народов Дагестана.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М.: Академический проект, 2019. 542 с.
2. Семенов Ю.И. Как возникло человечество. М: Наука, 1966.
3. Поршнев Б.Ф. О древнейшем способе получения огня // Советская этнография. 1955. №1. С. 7–28.
4. Katharine MacDonald. The use of fire and human distribution // *Temperature: Multidisciplinary Biomedical Journal* – 2017.01.2024. Т.4. Вып.2. 153-165. ISSN2332-8940. Doi:10.1080|23328940.2017.1284637
5. Амирханов Х.А., Бронникова М.А., Таймазов А.И. О следах огня на стоянке олдована Айникаб 1 в Центральном Дагестане // *Древнейший Кавказ: перекресток Европы и Азии*. Санкт-Петербург: Институт истории материальной культуры РАН, 2013. С. 7–19. EDN SINZEV.
6. Амирханов Х.А. Каменный век Южной Аравии. М.: 2006, с.311.
7. Кушнарев К.Х., Чубанисвили Т.Н. Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1979. С. 163
8. Мартиросян А.А. Первобытные иероглифы Армении и их Урарто-Армянские двойники. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1973. - 80 с.
9. Сефербеков Р.И. Пантеон языческих божеств на территории Дагестана (типология, характеристики, персонификации). Махачкала: «ДИНЭМ», 2009. – 407 с.
10. Иванова Ю.В. Обрядовый огонь // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М.: наука, 1983. С. 116-130.
11. Рене Гёнон. Символика креста (Пер. с франц.). М.: Прогресс –Традиция, 2008. – 704 с.
12. Kuhn A. *Mythologische Studien*. Gutersloh, 1886. Bd.1. S. 100-102.
13. Булатова А.Г. Традиционные праздники и обряды народов Горного Дагестана в XIX – начале XX века. Ленинград: Наука, 1988.
14. Керимов Э, Аханчи П. Огнепоклонство в контексте зооастризма и индуизма. Баку: Азертадж, 2014.
15. Гаджиева С.Ш. Дагестанские терекеменцы. XIX – нач. XX в.: Историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 1990. – 216 с.
16. Бабаев Т. Традиционные праздники // *Азербайджанцы*. Сер. «Народы и Культуры». М.: Наука, 2017. – 708 с
17. Чеченцы / отв. ред. Л.Т. Соловьева, В.А. Тишков, В.И. Хасбулатова. М.: Наука, 2012. – 622 с.
18. Рамазанова З.Б. Обряды, праздники и игры зимнего цикла горцев Дагестана в конце XIX – начале XX в. (этноэкологический аспект) // *Современные исследования социальных проблем*. 2018. Т. 10. № 1-1. С. 184–202. DOI 10.12731/2077-1770-2018-1-184-202. – EDN VTPKFC)
19. Алимova Б.М. Табасаранцы. XIX – начало XX века. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1992.

REFERENCES

1. Porshnev BF. *On the Beginning of Human History (Problems of Paleopsychology)*. Moscow: Academicheskii Proekt, 2019. (In Russ)
2. Semenov YuI. *How Humanity Came to Be*. Moscow: Nauka, 1966. (In Russ)
3. Porshnev BF. On the Most Ancient Method of Obtaining Fire. *Soviet Ethnography*. 1955; 1: 7-28. (In Russ)
4. Katharine MacDonald. The Use of Fire and Human Distribution. *Temperature: Multidisciplinary Biomedical Journal*. 2017; 4(2): 153-165. ISSN2332-8940. DOI: 10.1080/23328940.2017.1284637
5. Amir Khanov HA., Bronnikova MA., Taymazov AI. On the traces of fire at the Oldowan site of Ainikab 1 in Central Dagestan. *The Ancient Caucasus: the Crossroads of Europe and Asia*. Saint-Petersburg: Institute for the History of Material Culture, RAS, 2013: 7-19. EDN SINZEV. (In Russ)
6. Amir Khanov HA. *The Stone Age of South Arabia*. Moscow, 2006. (In Russ)
7. Kushnarev KKh., Chubanivili TN. *Ancient Cultures of the South Caucasus*. Leningrad, 1979. (In Russ)
8. Martirosyan AA. The most ancient hieroglyphs of Armenia and their Urartian-Armenian Armenian counterparts. Yerevan, 1973. (In Russ)
9. Seferbekov RI. *Pantheon of pagan deities in the territory of Dagestan (typology, characteristics, personifications)*. Makhachkala: DINEM, 2009. (In Russ)
10. Ivanova YuV. Ritual fire. *Calendar customs and rites in the countries of foreign Europe. Historical roots and development of customs*. Moscow: Nauka, 1983: 116-130.
11. Rene Guenon. *Symbolism of the cross (Translated from French)*. Moscow: Progress-Traditsia, 2008. (In Russ)
12. Kuhn A. *Mythologische Studien*. Gutersloh, 1886. Bd. 1: 100-102.
13. Bulatova AG. *Traditional holidays and rites of the peoples of Mountainous Dagestan in the XIX – early XX century*. Leningrad: Science, 1988. (In Russ)
14. Kerimov E., Akhanchi P. *Fire worship in the context of Zo-roastrianism and Hinduism*. Baku: Azertaj, 2014. (In Russ)
15. Gadzhieva SSh. *Dagestan Terekemens. XIX – beginning XX century: Historical and ethnographic research*. Moscow: Nauka, 1990. (In Russ)
16. Babayev T. Traditional holidays. In: *Azerbaijanis. "Peoples and Cultures" series*. Moscow: Nauka, 2017.
17. Chechens / eds. L.T. Solovyova, V.A. Tishkov, V.I. Khasbulatova. Moscow: Nauka, 2012. (In Russ)
18. Ramazanova ZB. Rituals, holidays and games of the winter cycle of the Dagestan mountaineers in the late 19th – early 20th centuries (ethnoecological aspect). *Modern studies of social problems*. 2018; 10(1-1): 184-202. DOI 10.12731/2077-1770-2018-1-184-202. EDN VTPKFC) (In Russ)
19. Alimova BM. *Tabasarans. XIX – early XX century. Historical and ethnographic study*. Makhachkala, 1992. (In Russ)

20. Мусаев Г.М.-С. Рутулы (XIX – начало XX вв.). Историко-этнографическое исследование. Махачкала: Издательство «Юпитер», 1997, с.234. 288 с.
21. Булатова А.Г. О некоторых семейных и общесельских обрядах горного Дагестана в XIX – нач. XX вв., связанных с весенне-летним календарным циклом // Семейный быт народов Дагестана. Махачкала, 1980.
22. Курбанов М.-З.Ю. Буркун-Дарго. История, культура и быт: прошлое и настоящее. Махачкала, 2015.
23. Карпов Ю.Ю. Персонажи шайтлинского праздника игби: атрибуты костюмов и общественные функции // Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. Л., 1989. Т. 43. С. 133–152.
24. Мусаева М.К. Хваршины XIX – начало XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1995. – 234 с.
25. Вовк О.В. Знаки и символы в истории цивилизации. М., 2005. С. 60
26. Халидова М.Р. Устное народное творчество аварцев. Махачкала, 2004. – 334 с.
27. Абхазы / отв. ред. Ю.Д. Анчабадзе, Ю.Г. Аргун. М.: Наука, 2002. – 547 с.
28. Карпов Ю.Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб, 2001.
29. Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М: Политиздат, 1964.
30. Курбанов М.-З.Ю., Омавов Ю. Кадар и кадарцы. Очерки истории и этнографии. Махачкала, 2023. – 363 с.
20. Musaev GM-S. Rutuls (XIX – early XX centuries). Historical and ethnographic study. Makhachkala: Yupiter, 1997. (In Russ)
21. Bulatova AG. On some family and village-wide rituals of mountainous Dagestan in the 19th – early 20th centuries associated with the spring-summer calendar cycle. *Family life of the peoples of Dagestan*. Makhachkala, 1980. (In Russ)
22. Kurbanov M-ZYu. *Burkun-Dargo. History, culture and life: past and present*. Makhachkala, 2015. (In Russ)
23. Karpov YuYu. Characters of the Shaitlinsky holiday Igbi: attributes of costumes and social functions. *Collection of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography*. Leningrad, 1989; 43: 133-152. (In Russ)
24. Musaeva MK. *Khvarshins of the 19th – early 20th centuries. Historical and ethnographic research*. Makhachkala, 1995. (In Russ)
25. Vovk OV. *Signs and symbols in the history of civilization*. Moscow, 2005. (In Russ)
26. Khalidova MR. *Oral folklore of the Avars*. Makhachkala, 2004. (In Russ)
27. *Abkhazians*. Eds. Yu.D. Anchabadze, Yu.G. Argun. Moscow: Nauka, 2002. (In Russ)
28. Karpov YuYu. *Women's space in the culture of the peoples of the Caucasus*. Saint-Petersburg, 2001. (In Russ)
29. Tokarev SA. *Religion in the history of the peoples of the world*. Moscow: Politizdat, 1964. (In Russ)
30. Kurbanov M-ZYu., Omavov Y. *Kadar and the Kadars. Essays on history and ethnography*. Makhachkala, 2023. (In Russ)

Поступила в редакцию 23.08.2024 г.
Принята в печать 10.09.2024 г.
Опубликована 15.09.2024 г.

Received 23.08.2024
Accepted 10.09.2024
Published 15.09.2024